

ЭХО КТУЛХУ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

LOVEROME и Ко

Эхо Ктулху - Книга Первая

«Автор»

2026

и Ко L.

Эхо Ктулху - Книга Первая / L. и Ко — «Автор», 2026

«Эхо Ктулху» — мрачный мистико-фантастический роман об Эльрома его терзаниях в поиске затонувшем городе, древней цивилизации, человеческой одержимости и попытке услышать то, что веками принимали за безумие.

© и Ко L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Улов	5
Глава 1	19
ЦЕНА РЕЙСА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

LOVEROME и Ко

Эхо Ктулху - Книга Первая

Пролог

Улов

К утру море стало почти неподвижным.

Ещё ночью траулер несколько часов шёл против короткой тяжёлой волны, которая с равными промежутками ударяла в борт и заставляла старый корпус отзываться глубоким металлическим стоном; этот звук, повторявшийся снова и снова в темноте, постепенно перестал раздражать команду и превратился в привычный фон рейса — в такое же естественное сопровождение работы, как рокот двигателя, скрип снастей и редкие удары незакреплённого железа где-то внизу. Но ближе к рассвету ветер начал слабеть, волна почти исчезла, и к тому времени, когда серое утро окончательно отделилось от ночи, поверхность моря разгладилась до странной, маслянистой ровности.

Глен заметил это не сразу.

Он стоял в рубке, положив ладонь на край приборной панели, и привычно переводил взгляд с показаний на воду за стеклом, мысленно прикидывая, сколько ещё топлива можно позволить себе потратить на этот участок. Район был ему знаком — не настолько, чтобы знать каждую подводную скалу и каждый перепад глубины, но достаточно, чтобы понимать, когда ещё имеет смысл сделать один проход, а когда надежда на улов начинает стоять дороже самого улова.

Первый проход оказался плохим.

Второй — почти пустым.

Третий пока не обещал ничего лучшего.

Обычно после такой ночи Глен смотрел на успокоившееся море с облегчением, но сегодня спокойствие воды почему-то действовало на него иначе. Не было в нём ничего очевидно необычного — вода оставалась водой, слабая зыбь всё ещё едва заметно поднимала корпус, за кормой тянулась белёсая полоса пены, — и всё же эта полоса исчезала подозрительно быстро, словно тёмная поверхность не просто закрывалась после прохода судна, а торопилась стереть сам след его присутствия.

Глен несколько раз замечал это краем глаза и всякий раз находил простое объяснение.

Течение.

Слабый боковой ветер.

Усталость после бессонной ночи.

Глаза, которые уже начинали хуже оценивать расстояние.

Он давно привык не доверять ощущениям, когда за плечами несколько тяжёлых суток. На море воображение легко подсовывало человеку то, чего не существовало: огни там, где не было берегов, силуэты в тумане, голоса в грохоте двигателя. Чем дольше человек находился вдали от земли, тем охотнее мозг пытался заполнить пустоту чем-нибудь знакомым.

— Натяжение растёт, — сказал матрос за спиной.

Глен опустил взгляд на приборы.

Стрелка действительно медленно поползла вверх.

Не резко.

Не настолько, чтобы вызывать тревогу.

— Дно цепляет?

Матрос пожал плечами.

— Может быть. Или камень взяли.

Глен снова посмотрел наружу.

Трал шёл далеко за кормой, скрытый под толщей воды, и находился сейчас в том мире, который экипаж мог воспринимать лишь косвенно — через натяжение тросов, работу лебёдок и несколько цифр на экранах. Само дно лежало далеко внизу, холодное и тёмное, и человеку наверху оставалось лишь догадываться о том, что там происходило.

В этом всегда было что-то неприятное, хотя Глен за много лет почти перестал об этом думать.

Они бросали сеть туда, куда не могли заглянуть.

Тащили её по земле, которой никогда не видели.

И потом поднимали наверх всё, что случайно попадалось на её пути.

Стрелка поднялась ещё немного.

Замерла.

— Идём дальше, — сказал Глен.

Если каждый раз выбирать снасть из-за камня, можно было сразу возвращаться в порт.

Траулер продолжил движение.

Через несколько секунд Глен почувствовал под ладонью слабую дрожь.

Не обычную мелкую вибрацию двигателя, к которой тело привыкало настолько, что переставало её замечать. Эта была иной — более медленной, почти мягкой, словно импульс пришёл не из машинного отделения, а прошёл через сам корпус снизу.

Он нахмурился и сильнее прижал ладонь к панели.

Дрожь исчезла.

Глен подождал.

Ничего.

Только двигатель.

Только приглушённый скрип переборки.

Только слабое постукивание чего-то металлического в шкафу.

— Показалось, — пробормотал он.

Матрос не расслышал.

— Что?

— Ничего.

Глен убрал руку.

И почти сразу снаружи кто-то крикнул.

Не испуганно.

Скорее удивлённо.

Он повернул голову и через боковое стекло увидел чайк.

Ещё минут десять назад несколько птиц лениво держались над кормой, привычно сопровождая траулер в надежде на отбросы. Теперь они уходили.

Все.

Не кружили.

Не спорили.

Не снижались к воде.

Белые точки одна за другой тянулись прочь от судна, будто в одном и том же месте над морем возникла невидимая граница, пересекающую которую птицы больше не хотели.

— Погода меняется? — спросил матрос.

Глен посмотрел на небо.

Оно оставалось таким же низким и серым.

— Может быть.

Ответ прозвучал неубедительно даже для него самого.

Он уже собирался вернуться к приборам, когда поверхность справа от траулера едва заметно дрогнула.

Сначала Глен решил, что прошла волна.

Но ветра почти не было.

На гладкой воде возникли десятки мелких кругов, один рядом с другим, будто что-то внизу на мгновение заставило весь участок поверхности задрожать.

Круги расширились.

Пересеклись.

Исчезли.

— Это что было? — спросил матрос.

Глен продолжал смотреть.

— Косяк.

— Рыба?

— А кто ещё?

Матрос подошёл к стеклу.

— Не знаю.

Глен повернулся к нему.

В обычный день такая фраза прозвучала бы глупо.

Сегодня она почему-то раздражала.

— Следи за снастью.

На дне металлическая часть трала уже двигалась по поверхности находки.

Предмет вошёл в сеть почти ребром, был сдвинут с места, перевёрнут и зажат среди жёстких элементов снасти. Несколько метров его протащило по камням, затем конструкция натянулась иначе, и тяжёлый металлический элемент медленно прошёл по гладкой стороне плиты.

Не ударил.

Не царапнул.

Именно прошёл.

Под нагрузкой.

По поверхности.

Возникло колебание.

Очень слабое.

Такое, которое человек, окажись он рядом, скорее почувствовал бы зубами, чем услышал.

Вода приняла эту дрожь.

Унесла.

Через несколько секунд положение снасти изменилось, металл снова сдвинулся, и колебание повторилось.

В десятках метров от трала небольшой косяк рыбы внезапно изменил направление.

Не бросился вверх.

Не рассыпался.

Просто повернул.

Другой косяк сделал то же самое.

Потом ещё один.

Живые существа покидали участок без заметной паники, но с такой согласованностью, что со стороны это могло бы показаться реакцией на звук, которого человеческий слух не способен различить.

Вокруг сети становилось пусто.

А наверху люди всё ещё надеялись поднять хороший улов.

Через сорок минут Глен приказал выбирать снасть.

Лебёдка загудела.

Трос натянулся.

Обычно именно в этот момент на палубе становилось оживлённее. До подъёма можно было сколько угодно спорить о температуре воды, течении или неверно выбранном курсе, но последнюю точку всегда ставила сеть.

Сегодня она поднималась тяжело.

Слишком тяжело для пустого трала.

Один из матросов посмотрел за борт.

— Может, набрали чего.

Другой усмехнулся.

— Лишь бы не камней.

Глен ничего не ответил.

После двух неудачных проходов ему хотелось верить, что сеть действительно полна.

Вода под кормой была тёмной.

Не просто тёмной из-за глубины или пасмурного неба — она казалась гуще, чем обычно, и когда трал начал подходить к поверхности, Глен неожиданно заметил, что вокруг него почти нет привычного серебристого движения.

Ни мелкой рыбы.

Ни случайных всплеск чешуи.

Ничего.

Сеть появилась из глубины как тяжёлая бесформенная тень.

Глен машинально наклонился к борту.

И тогда ему показалось, что ниже трала находится ещё одна тень.

Гораздо больше.

Неподвижная.

Она была там всего мгновение — тёмное пятно без формы, слишком глубокое, чтобы понять его размер, — а потом поверхность качнулась, и оно исчезло.

Глен моргнул.

— Капитан?

Он поднял голову.

— Что?

— Подходит.

— Вижу.

Он заставил себя отвернуться от воды.

Сеть вышла наружу.

С неё ручьями стекала грязная вода.

Несколько человек приготовились принимать её, и по тому, как тяжело провисал трал, уже было ясно, что внутри что-то есть.

— Вот теперь нормально, — сказал кто-то.

Замки открыли.

Содержимое рухнуло на палубу.

Звук получился тяжёлым и влажным.

Камни.

Комья серого ила.

Обрывки водорослей.

Раковины.

Какой-то плоский массивный предмет.

И больше ничего.

Рыбы не было.

Вообще.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Один матрос носком сапога перевернул плотный комок водорослей, будто под ним могла скрываться хотя бы пара рыб.

Другой заглянул в складки сети.

— Это всё?

Глен подошёл ближе.

Осмотрел трал.

Потом палубу.

Потом море.

— Проверьте ещё раз.

Матрос посмотрел на него.

— Там пусто.

— Я вижу.

Он сказал это резче, чем хотел.

Команда замолчала.

Глен уже считал.

Топливо.

Время.

Оплата людей.

Лёд.

Портовые сборы.

Провизия.

Ещё один проход.

Ещё несколько часов двигателя.

Обычные вещи.

Понятные вещи.

Он почти с благодарностью держался за эти цифры, потому что деньги, в отличие от странного поведения моря, хотя бы подчинялись понятным законам.

— Капитан.

Глен обернулся.

Один из матросов присел возле плоского предмета.

Часть грязи с него уже смыли.

— Посмотри.

Глен подошёл.

Вещь была размером примерно с небольшую настенную плиту, хотя заметно толще, и даже до того, как он прикоснулся к ней, возникало странное впечатление тяжести — не только физической, а какой-то зрительной, словно она казалась слишком массивной для своих размеров.

Один угол был отбит.

Цвет определить было трудно: что-то между тёмно-зелёным, почти чёрным камнем и металлом, долго пролежавшим в воде.

Но если это был металл, он выглядел неправильно.

Не было ржавчины.

Не было привычных следов коррозии.

Поверхность оставалась матовой, местами шероховатой, но сохранилась слишком хорошо для вещи, которую явно не вчера бросили за борт.

Глен присел.
Протянул руку.
И почему-то остановился.
Всего на мгновение.
Он сам не понял причины.
Потом коснулся края.
Холод.
Необычно сильный.
Он машинально отдернул пальцы.
— Что? — спросил матрос.
— Ничего.
Глен коснулся снова.
Палуба была холодной.
Мокрый металл вокруг был холодным.
Даже инструменты рядом отдавали ночной сыростью.
Но табличка ощущалась иначе — будто холод исходил не от её поверхности, а находился внутри материала и медленно проходил в пальцы.
— Камень? — спросил кто-то.
— Если камень, то странный.
Двое попытались её приподнять.
Получилось не сразу.
— Тяжёлая зараза.
— Может, поэтому сеть тянуло.
Глен провёл ладонью по поверхности.
Под пальцами почувствовались углубления.
Он взял бутылку воды, плеснул на находку и протёр грязь тряпкой.
Появились линии.
Сначала несколько.
Потом больше.
Одни были прямыми, другие изгибались и пересекались. Некоторые казались почти геометрическими, но стоило задержать на них взгляд, как становилось трудно понять, где заканчивается один знак и начинается другой.
— Письмо? — спросил матрос.
— Не знаю.
— На наше не похоже.
— Очень наблюдательно.
Кто-то тихо усмехнулся.
Глен протёр центр.
Под грязью проступил рисунок.
Он сразу остановился.
В изображении не было ничего настолько страшного, чтобы испугать взрослого человека. Более того, сделано оно было грубо, местами настолько истёрто или повреждено, что отдельные части приходилось скорее угадывать, чем видеть.
Большая голова.
От нижней части лица отходили длинные отростки.
Тело казалось непропорциональным.
По бокам находились формы, которые можно было принять то за конечности, то за складки, то за часть орнамента.
— осьминог? — предположил матрос.

— С ногами?

— Может, это не ноги.

— А что?

— Откуда мне знать.

Другой мужчина наклонился.

— Морской чёрт.

Кто-то засмеялся.

Смех оборвался неожиданно быстро.

Глен продолжал смотреть на изображение.

Его беспокоило не уродство фигуры.

И даже не её чужеродность.

В портах он видел достаточно дешёвых амулетов, масок, резных демонов и сувенирных чудовищ, которые художники намеренно делали страшными.

Эта фигура не выглядела придуманной ради страха.

Не было преувеличенной гримасы.

Не было попытки напугать.

Существо просто было изображено.

Так спокойно и буднично, как на старых плитах изображают царя, животное или корабль.

И именно это делало рисунок неприятным.

Глен поймал себя на том, что уже несколько секунд смотрит не на фигуру целиком, а избегает её головы.

Он резко выпрямился.

— Уберите в сторону.

— Выбросить?

Первым желанием было согласиться.

Совершенно нелепым желанием.

Глен посмотрел на пустую сеть.

— Нет.

— А зачем она нам?

— Потом разберёмся.

— Что тут разбираться?

— Может, старая.

— И?

Глен пожал плечами.

— Может, кто-нибудь заплатит.

Матрос ничего не ответил.

Глен отошёл к рубке.

За спиной люди стали перемещать находку.

Раздался удар.

Он остановился.

Потом по палубе прошла очень слабая дрожь.

Глен почувствовал её через подошвы.

Она была настолько низкой, что звук почти невозможно было услышать, но на мгновение появилось неприятное ощущение в зубах, словно где-то рядом работал огромный двигатель на пределе человеческого слуха.

Глен обернулся.

Табличку поставили возле переборки. Один из металлических элементов снасти, прижатый весом оборудования, скользнул по её поверхности.

Матрос рядом тоже замер.

— Слышал?

— Что?

Тот несколько секунд прислушивался.

— Не знаю.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Она... как будто гудела.

Глен подошёл.

— Постучи.

Матрос костяшками ударил по поверхности.

Тупой звук.

Ещё раз.

Ничего необычного.

Мужчина нахмурился.

— Только что было другое.

— Потому что железо по ней проехало.

— Возможно.

Глен посмотрел на табличку.

На её мокрой поверхности медленно стекали капли.

Абсолютно неподвижный предмет.

Безобидный.

Тяжёлый кусок неизвестного материала.

И всё же, когда он отвернулся, ему вдруг пришла в голову настолько нелепая мысль, что он разозлился на себя: не изменилось ли положение головы изображённого существа?

Он не стал проверять.

Следующий проход оказался почти пустым.

Глен сменил курс.

Ушёл немного севернее.

Попробовал другой участок.

Снова поставили трал.

Результат оказался тем же.

К середине дня даже самые разговорчивые люди замолчали. Плохой улов сам по себе не был редкостью, но здесь неприятность состояла не в количестве рыбы, а в её полном отсутствии там, где ещё несколько часов назад приборы показывали обычную для района активность.

Глен несколько раз проверял оборудование.

Всё работало.

На эхолоте иногда появлялись отметки.

Потом исчезали.

Один из матросов сказал:

— Будто от нас уходят.

— Рыба всегда от чего-нибудь уходит.

— Но не от траулера на несколько миль.

Глен посмотрел на него.

— Хочешь сказать, что мы её распугали?

Матрос не ответил.

Его взгляд скользнул к техническому помещению.

Глен заметил.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

Мужчина поколебался.

— С того момента, как подняли эту штуку.

Глен усмехнулся.

— Конечно.

— Я просто сказал.

— А птицы тоже из-за неё?

Матрос посмотрел на небо.

Там действительно не было ни одной чайки.

Глен пожалел, что сам это произнёс.

— Погода, — сказал он.

— Может быть.

— Вот и всё.

Но разговора это не закончило.

Через некоторое время тот же матрос снова подошёл.

— Капитан.

— Что ещё?

— Если она ничего не стоит...

Он не договорил.

Глен уже понял.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Хотел предложить выбросить.

Мужчина посмотрел на море.

— Да.

Глен помолчал.

Нормальная реакция была бы рассмеяться.

Пошутить о моряцких суевериях.

Сказать, чтобы тот меньше слушал стариков в порту.

Но смеяться почему-то не хотелось.

— Она ничего не сделала.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Матрос потёр ладони о рабочие брюки.

— Не нравится она мне.

— Железка?

— Ты сам сказал, что это не железо.

— Я ничего такого не говорил.

Мужчина посмотрел на него.

Глен почувствовал раздражение.

— Иди работай.

Матрос сделал несколько шагов.

Остановился.

— Капитан.

— Что?

— Ты заметил, что море сегодня почти не пахнет?

Глен нахмурился.

— Что?

— Не знаю как сказать.

Мужчина вдохнул.

— Обычно в такую погоду запах сильнее.

Глен тоже вдохнул.

Соль.

Дизель.

Мокрый металл.

Рыба — вернее, её почти полное отсутствие.

Ничего необычного.

Он хотел уже сказать это, но вдруг понял, что матрос прав.

В воздухе действительно чего-то не хватало.

Не конкретного запаха.

Скорее обычной смеси всего морского — водорослей, соли, органики, сырого ветра, того густого дыхания океана, к которому человек перестаёт прислушиваться через час после выхода из порта.

Теперь воздух казался пустым.

Холодным.

Мёртвым.

Глен нахмурился.

— Устал ты.

— Возможно.

— Иди.

Матрос ушёл.

Глен остался у борта.

Вода была почти чёрной.

Он смотрел на неё дольше, чем собирался.

И тогда услышал звук.

Очень низкий.

Короткий.

Он не мог сказать, раздался ли тот в воздухе или прошёл через корпус судна.

Скорее второе.

Гммм.

Глен выпрямился.

Посмотрел на трал.

На двигатель.

На техническое помещение.

— Слышал? — спросил человек возле лебёдки.

Глен повернулся.

— Что?

Тот подождал.

— Уже ничего.

Они постояли несколько секунд.

Звук не повторился.

Глен сделал ещё один проход.

Потом последний.

Море словно опустело.

Наконец он приказал:

— Сворачиваемся.

Никто не стал спорить.

Обычно такая команда после неудачного рейса вызывала раздражение: кто-нибудь обязательно предлагал попробовать ещё один участок, ещё час, ещё одну постановку. Сегодня люди приняли решение почти с облегчением.

Это Глену тоже не понравилось.

Он не хотел думать о том, почему все так рады уйти.

Траулер лёг на обратный курс.

Прошло около часа.

Первой вернулась птица.

Одна чайка появилась далеко справа, сделала круг над водой и некоторое время держалась на расстоянии.

Потом показалась вторая.

Ещё позже на экране эхолота снова появились привычные отметки.

Глен смотрел на них несколько секунд.

Рыба.

Обычная рыба.

Она снова была там.

Он неожиданно почувствовал облегчение.

И почти сразу разозлился на себя за это.

На обратном пути табличка лежала у стены технического помещения.

Кто-то успел смыть с неё большую часть ила, и теперь изображение стало заметнее.

Глен проходил мимо.

Остановился.

Не потому, что собирался рассматривать находку.

Просто остановился.

В помещении горела одна старая лампа под металлическим плафоном. Судно слегка качивало, и свет медленно двигался по стене.

Табличка лежала внизу.

Её поверхность казалась почти чёрной.

Глен подошёл ближе.

Фигура в центре стала яснее.

Голова действительно была слишком большой относительно тела. От нижней части отходили длинные отростки, но теперь Глен уже не был уверен, что это щупальца. Некоторые из них соединялись с другими линиями так, что глаз начинал путаться.

Он наклонился.

Глаза.

Если это вообще были глаза.

Два тёмных углубления находились там, где их ожидал увидеть человек.

Но немного выше угадывались ещё какие-то точки.

Повреждения?

Раковины?

Следы коррозии?

Глен прищурился.

Лампа качнулась.

На мгновение ему показалось, что глаз больше двух.

Он резко выпрямился.

Свет вернулся.

Обычная поверхность.

— Устал, — сказал Глен вслух.

Голос прозвучал непривычно громко.

Тень таблички двигалась по стене вслед за лампой.
Влево.
Вправо.
Влево.
Глен уже хотел выйти, когда заметил странность.
Когда лампа качнулась вправо, тень фигуры вытянулась.
Обычная геометрия.
Потом лампа пошла обратно.
А тень задержалась.
Совсем немного.
Возможно, меньше секунды.
Но Глен это увидел.
Он застыл.
Лампа качнулась снова.
Тень двигалась нормально.
Глен смотрел.
Ещё раз.
Нормально.
Ещё.
Ничего.
— Хватит.
Он отвернулся.
Неровная стена.
Старая лампа.
Усталость.
Любое из этих объяснений было достаточно хорошим.
Ему почему-то требовалось перечислить их все.
В дверях появился матрос.
Глен вздрогнул сильнее, чем хотел бы.
— Чего тебе?
Матрос остановился.
— До порта часа четыре.
— Знаю.
Тот посмотрел на табличку.
Точнее, почти посмотрел.
Его взгляд прошёл рядом.
— Старая, думаешь?
Глен пожал плечами.
— Может быть.
— Ценная?
— Узнаем.
— Где?
— В городе есть старьёвщик.
— Возле рынка?
— Да.
Матрос кивнул.
Несколько секунд стоял молча.
— Если он скажет, что ничего не стоит...
Глен уже знал продолжение.

— Тогда решим.

— Я бы выбросил.

— Ты уже говорил.

Мужчина ушёл.

Глен остался.

Посмотрел на находку ещё раз.

Теперь он действительно видел в ней не только мусор.

Рейс был плохим.

Топливо сгорело.

Людей нужно было оплачивать.

Улова почти не было.

Если эта вещь действительно старая и за неё можно получить хоть какие-то деньги, глупо было отказываться только потому, что уставшей команде захотелось придумать объяснение неудаче.

Он снова коснулся края таблички.

Холод.

Такой же.

Слишком сильный после нескольких часов в помещении.

Глен убрал руку.

Не стал думать об этом.

К вечеру впереди начали появляться первые полосы тумана.

Сначала редкие.

Почти прозрачные.

Они лежали над водой отдельными длинными слоями, и траулер проходил сквозь них без всякого труда.

Потом полос стало больше.

Они начали соединяться.

Горизонт постепенно исчезал.

Глен стоял в рубке.

Под ладонью дрожала приборная панель.

Обычная вибрация двигателя.

Ровная.

Привычная.

Надёжная.

Он слушал её несколько минут, почти не осознавая этого, пока под привычной дрожью не почувствовал другую.

Медленную.

Очень слабую.

Глен замер.

Дрожь прошла через ладонь.

Исчезла.

Вернулась.

Он убрал руку.

Ничего.

Снова положил.

Только двигатель.

Глен стоял, глядя на собственные пальцы.

Сзади открылась дверь.

На пороге появился тот самый матрос.

Лицо у него было усталым.

Серым.

Он не вошёл сразу.

— Капитан.

Глен не обернулся.

— Что?

Пауза.

— Вы это слышите?

Теперь Глен медленно повернул голову.

— Что именно?

Матрос посмотрел вниз, будто звук находился не в рубке и не снаружи, а глубоко под ними.

— Гул.

За стеклом туман продолжал сгущаться.

Глен ничего не ответил.

Потому что на этот раз он тоже его слышал.

Глава 1

ЦЕНА РЕЙСА

Порт возник не постепенно — он будто внезапно проступил из пустоты, когда траулер подошёл к нему уже почти вплотную.

Обычно Глен замечал берег задолго до входа в гавань. Сначала над горизонтом появлялись верхушки портовых кранов — тонкие, угловатые, похожие издали на согнутые металлические пальцы. Потом проступали крыши складов, мачты пришвартованных судов, редкие огни вдоль причалов. Даже ночью город заранее давал понять, что он рядом: светом, гулом, запахом топлива, ржавчины и мокрого дерева.

Сегодня ничего этого не было.

Берег исчез.

Туман начал собираться ещё за несколько часов до возвращения. Сначала он лежал над водой отдельными белёсыми полосами, низкими и редкими, и Глен почти не обращал на него внимания. Такое случалось.

Потом полосы стали толще.

Слились.

Горизонт исчез первым.

Через некоторое время стало невозможно понять, где заканчивается море и начинается воздух. Всё вокруг приобрело один тяжёлый серо-белый оттенок, словно кто-то стёр саму границу между водой и небом.

К вечеру туман стал настолько плотным, что уже не казался погодой.

Он словно имел вес.

Обтекал траулер.

Цеплялся за борта.

Ложился влажной плёнкой на стекло рубки.

С носовых фонарей свет не уходил вперёд, а вяз в нескольких метрах от судна, превращаясь в мутные жёлтые пятна.

Теперь из рубки было видно лишь небольшой участок воды.

Дальше начиналось ничто.

Не темнота.

Не море.

Именно отсутствие пространства.

Глен стоял у переднего стекла, положив ладонь на край приборной панели.

Под пальцами чувствовалась привычная мелкая дрожь двигателя.

Старый траулер шёл на малых оборотах, тяжело и осторожно, словно сам не был уверен, стоит ли двигаться дальше.

Обычно эта вибрация успокаивала Глена.

Он провёл на этом судне столько лет, что знал его почти телом. По изменению дрожи мог определить, когда двигатель начинает работать тяжелее обычного. По звуку корпуса — когда волна ударяет не под тем углом. Иногда ему казалось, что неисправность он способен почувствовать раньше приборов.

Но сегодня знакомая дрожь изменилась.

Не стала сильнее.

Скорее под ней появилось что-то ещё.

Очень слабое.

Настолько слабое, что сначала Глен решил, будто ему показалось.

Низкое гудение.

Не от двигателя.

Не от винта.

Оно появлялось на несколько секунд, затем исчезало, а потом возвращалось — будто где-то далеко под днищем медленно работал огромный механизм.

Глен сильнее прижал ладонь к панели.

Гудение исчезло.

Он подождал.

Ничего.

Только двигатель.

Только тихое постукивание незакреплённой металлической кружки в шкафу за спиной.

Только вода, почти невидимая за стеклом.

Глен выдохнул.

Усталость.

Они провели в море больше времени, чем собирались.

Улов оказался хуже ожидаемого.

Люди были раздражены.

Он сам почти не спал.

После нескольких тяжёлых суток мозг начинал играть с человеком странные шутки.

Глен уже собирался отойти от окна, когда сзади послышались шаги.

Неуверенные.

Медленные.

Кто-то остановился в дверях рубки.

— Капитан.

Глен не обернулся сразу.

— Что?

Молчание.

— Ну?

— Вы это слышите?

Теперь он повернулся.

В дверях стоял один из матросов — тот самый, что почти весь день работал на корме.

Лицо у него было серым от усталости.

Мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Что именно?

Матрос посмотрел на пол.

Потом на Глена.

— Гул.

Глен ничего не ответил.

— Какой гул?

— Низкий.

— Двигатель.

— Нет.

— Корпус.

— Нет.

Глен раздражённо потер переносицу.

— Тогда что?

Матрос пожал плечами.

— Не знаю.

— Отличный разговор.
— Как будто снизу.
Глен посмотрел на него внимательнее.
— Снизу откуда?
Тот кивнул в сторону пола.
— Из-под воды.
Несколько секунд они молчали.
За стеклом туман плотной белой стеной лежал над морем.
Глен вдруг снова почувствовал слабую вибрацию под ладонью.
Ту же.
Или ему показалось.
Он убрал руку с панели.
— Иди отдохни.
— Я не...
— Ты сутки нормально не спал.
— Я слышал.
— Я тоже слышу двигатель.
Матрос хотел что-то сказать.
Передумал.
— Ладно.
Он ушёл.
Шаги медленно затихли.
Глен остался один.
Впереди по-прежнему не было ничего.
Он смотрел в белизну.
Слишком долго.
Потом за пределами света что-то мелькнуло.
Слева.
Совсем близко.
Будто тёмная вертикальная фигура на мгновение прошла сквозь туман.
Глен резко выпрямился.
Наклонился к стеклу.
Ничего.
Только серо-белая пустота.
— Чёрт...
Он протёр стекло рукавом, хотя прекрасно понимал, что дело не в нём.
И в этот момент впереди появился свет.
Один.
Жёлтый.
Сначала слабый, почти растворённый в белой мгле.
Потом рядом возник второй.
И только через несколько секунд Глен понял, что смотрит на фонари причала.
Порт находился уже почти перед ними.
Он появился так внезапно, что Глен невольно почувствовал холод между лопатками.
Будто город не приближался к ним.
Будто всё это время стоял на месте, скрытый за какой-то серой завесой, и только теперь позволил себя увидеть.
Морской воздух у причала обычно казался грязнее, чем в открытом море.
Там был дым.

Запах топлива.
Сырая верёвка.
Мокрый бетон.
Рыба.
Ржавчина.
Человеческая жизнь.
Сегодня даже всё это туман приглушил.
Порт выглядел почти пустым.
Фонари превращались в мутные жёлтые круги.

Краны уходили верхними частями в белую мглу, и от этого казались выше, чем были на самом деле.

Их длинные стрелы исчезали где-то наверху, будто соединялись не с механизмами, а с чем-то, чего не было видно.

Траулер шёл медленно.
Очень медленно.
Глен стоял в рубке и давал короткие команды.
С палубы отвечали приглушённые голоса.
Берег то появлялся, то снова исчезал.
Вода у борта была почти чёрной.
Глен смотрел вниз.
Сначала просто контролировал расстояние.
Потом увидел собственное отражение.
Лицо было размытым.
Слишком длинным.
Глаза растянулись на ряби.
Щетина делала подбородок тёмным.
И вдруг он вспомнил дочь.
Не похороны.
Не больницу.
Не последние месяцы.
А совсем другое.
Как она встречала его после рейсов.
Ей тогда было мало лет.

Она подбегала, останавливалась в шаге и каждый раз, прежде чем обнять, делала вид, что рассматривает лицо.

— Опять колючий.
— Моряк должен быть колючий.
— Зачем?
— Чтобы рыба боялась.

Она смеялась.
Потом всё равно обнимала.
Глен моргнул.
Вода дрогнула.

Его отражение расплылось.
И тогда он увидел детей.
Не сразу понял, что именно видит.
Сначала ему показалось, что в отражении проходит группа людей на берегу.
Маленькие фигуры.
Пять.

Или шесть.
Они шли цепочкой.
Держались за руки.
Глен нахмурился.
Поднял голову.
На причале никого.
Снова посмотрел вниз.
Дети всё ещё были там.
Не отражение берега.
Не люди над водой.
Будто сами фигуры находились в серой глубине под поверхностью.
Одна маленькая рука держала другую.
Потом следующую.
Глен не видел лиц.
Только формы.
Одежду.
Движение.
И одну девочку.
Она шла среди остальных.
Чуть ниже ростом.
Голова слегка наклонена вбок.
Так она делала всегда, когда рассматривала что-то внимательно.
Глен перестал дышать.
Он не успел подумать.
Не успел назвать имя.
Просто узнал.
Дочь.
Вода ударилась о корпус.
Изображение развалилось.
Остались только волны.
И его собственное лицо.
Глен отшатнулся от стекла.
Сердце ударило тяжело.
Он поднял голову.
На причале никого.
Туман.
Фонари.
Мокрый бетон.
— Капитан!
Голос снизу вернул его мгновенно.
— Что?
— Ещё немного!
Глен схватился за рычаг.
Траулер медленно подошёл ближе.
Он заставил себя думать только о швартовке.
Расстояние.
Скорость.
Ветер.
Корма.

Нос.
Канат.
Всё остальное позже.
Не сейчас.
Но руки стали холодными.
Швартовка всегда выглядела проще со стороны.
Людям на берегу казалось: судно просто подошло и остановилось.
На самом деле несколько десятков тонн металла продолжали двигаться даже тогда, когда
глаз почти переставал это замечать.
Туман делал всё хуже.
Расстояние обманывало.
Мокрый бетон блестел.
Канаты становились тяжёлыми и скользкими.
Глен вышел из рубки.
На палубе было холоднее.
Капли тумана оседали на волосах и лице, будто мелкий дождь.
— Носовой готов!
— Готов!
— Не торопись!
Траулер медленно прижало к причалу.
Кранцы приняли первый контакт.
Корпус глухо ударился.
Один из матросов перебросил канат.
На берегу его поймали.
— Корму ещё!
— Есть!
Глен смотрел вдоль борта.
Всё шло нормально.
Почти.
И тогда кто-то закричал.
Не команда.
Крик человека, который уже ничего не контролирует.
Глен повернулся.
Матрос у кормы отступил слишком поздно.
Траулер качнуло.
Всего немного.
Но этого хватило.
Рука оказалась между корпусом и краем причала.
Раздался тяжёлый тупой удар.
Матрос закричал.
Глен бросился туда.
— Назад! Назад!
Люди рванулись.
Кто-то дёрнул канат.
Кто-то заорал рулевому.
Судно чуть отошло.
Матрос рухнул на колени.
Прижал руку к груди.
Лицо стало белым.

Один из людей попытался посмотреть.
— Не трогай!
Глен уже был рядом.
— Скорую!
— Уже!
— Полотенце! Что-нибудь чистое!
Руку он увидел лишь мельком.
Этого хватило.
Кровь.
Разорванная перчатка.
Неправильное положение пальцев.
Он отвернулся на секунду.
Не потому что не мог смотреть.
Нужно было думать.
— Сиди.
Матрос дрожал.
— Капитан...
— Молчи.
— Рука...
— Вижу.
— Я не чувствую...
— Молчи.
Глен сел перед ним на корточки.
— Смотри на меня.
Матрос поднял глаза.
— Смотри на меня.
Глен говорил жёстко.
Почти грубо.
Потому что если говорить мягко, человек начинает понимать, насколько всё плохо.
На причале уже кто-то бежал.
Туман проглатывал людей через десять шагов и возвращал через пять.
Сирена скорой появилась раньше машины.
Сначала слабая.
Потом громче.
Потом из белой мглы выросли синие огни.
Глен поднялся.
В этот момент матрос, тот самый, что раньше заходил в рубку, схватил его здоровой рукой за рукав.
— Капитан.
— Что?
Он наклонился.
Лицо матроса блестело от пота.
— Выкинь её.
Глен не понял.
— Что?
— Эту штуку.
— Какую?
Матрос посмотрел в сторону кормы.
Туда, где среди оборудования лежала поднятая сетью табличка.

Она была завернута в мокрый брезент.
Виднелся только один зеленоватый край.
— Выкинь.
— Сейчас не до этого.
— Выкинь её в море.
Глен несколько секунд смотрел на него.
— Почему?
Матрос попытался ответить.
Губы дрогнули.
Ничего.
— Почему?
— Не знаю.
Скорая уже была рядом.
Люди окружили пострадавшего.
Глен отступил.
Через несколько минут его унесли.
Синий свет исчез в тумане так же быстро, как появился.
На палубе осталась кровь.
Немного.
Но на мокром металле она казалась почти чёрной.
Глен смотрел на пятно.
Потом на свёрток у кормы.
— Капитан?
Он повернулся.
— Что?
— Что с грузом?
Глен медленно выдохнул.
— Разгружаем.
Работа продолжилась.
Потому что работа всегда продолжалась.
Даже после крика.
После крови.
После скорой.
После того, как один человек уехал в больницу, а остальные ещё несколько часов будут делать вид, что всё в порядке.
Улов оказался хуже, чем Глен ожидал.
Он знал это ещё в море.
Но цифры всегда выглядели хуже ощущений.
Ящики стояли на причале.
Слишком мало.
Люди ходили между ними.
Считали.
Записывали.
Кто-то качал головой.
Один из работников порта сказал:
— Это всё?
Глен посмотрел на него.
— Нет, остальное невидимое.
Тот понял, что шутить не стоит.

Глен прошёл вдоль ящиков.
В голове уже складывались расходы.
Топливо.
Провизия.
Лёд.
Оплата команды.
Порт.
Мелкий ремонт после рейса.
Теперь ещё травма.
Он остановился.
Туман не расходился.
Наоборот.
Будто становился плотнее.
Глен поднял голову.
Крапы по-прежнему исчезали в белом небе.
Где-то наверху один из них скрипел.
Медленно.
Ритмично.
Звук напоминал стон старого металла.
Матрос подошёл сзади.
Другой.
— Капитан.
— Что?
— Эту куда?
Он показывал на табличку.
Брезент уже сняли.
Она лежала на деревянном ящике.
Мокрая.
Зеленоватая.
Один угол отбит.
По поверхности тянулись неизвестные знаки.
В центре — фигура.
Даже под жёлтым портовым светом она выглядела мрачной.
Глен подошёл.
Провёл пальцем по краю.
Холодная.
Слишком холодная.
После нескольких часов на палубе всё было холодным.
Но эта вещь казалась холоднее окружающего металла.
Он убрал руку.
— В офис.
Матрос посмотрел.
— Это мусор.
— Возможно.
— Тогда зачем?
Глен посмотрел на ящики с рыбой.
— Потому что рыба сегодня денег не принесла.
Матрос пожал плечами.
— Если кто-нибудь купит это...

— Купят и хуже.
Он взял табличку.
Вес удивил снова.
Небольшая вещь.
Тяжелее, чем выглядела.
Глен понёс её сам.
Офис находился в старом портовом здании.
Коридор пах сыростью, дешёвым моющим средством и старой краской.
Лампы под потолком давали холодный белый свет.
Одна мигала.
Глен знал, что её обещали заменить уже месяца три.
Никто не заменил.
Он открыл дверь.
Внутри было тепло.
Слишком тепло после улицы.
Окно запотело.
На подоконнике лежали бумаги.
На стене висел календарь.
На столе стояла фотография.
Жена.
Дочь.
Глен положил табличку на край стола.
Снял куртку.
Сел.
Открыл ноутбук.
Начал считать.
Через десять минут цифры подтвердили всё, что он уже знал.
Рейс был плохим.
Очень плохим.
Он открыл один документ.
Потом другой.
Доход.
Расход.
Платежи.
Задолженность.
Глен потёр лицо.
Позвонил в больницу.
Ему ответили не сразу.
Пришлось ждать.
Музыка на линии звучала особенно мерзко после сегодняшнего крика.
Наконец ответили.
Он назвал имя.
Подождал.
Руку спасут.
Серьёзное повреждение.
Нужна операция.
Прогноз осторожный.
Глен слушал.
Кивал, хотя его никто не видел.

— Спасибо.
Положил телефон.
Несколько секунд сидел неподвижно.
Потом посмотрел на фотографию.
Жена стояла чуть сзади.
Дочь впереди.
Обе улыбались.
Фото было старое.
Глен не менял его.
Не хотел.
На новых фотографиях жена уже выглядела усталой.
Дочь — больной.
Здесь они были другими.
Живыми так, как он предпочитал помнить.
Он взял рамку.
Провёл пальцем по стеклу.
И вспомнил воду.
Детей.
Маленькую голову, наклонённую вбок.
Он поставил фотографию обратно.
— Сегодня видел тебя.
Фраза прозвучала вслух.
Глен сразу почувствовал себя идиотом.
— Прекрасно.
Он откинулся на стуле.
Посмотрел в окно.
За стеклом был только туман.
Потом взгляд сам вернулся к табличке.
Она лежала на краю стола.
Мокрый след под ней уже почти высох.
Глен подвинул её ближе.
Осмотрел.
Материал непонятный.
Необычный.
Знаки.
Фигура.
Он повернул предмет.
На обратной стороне почти ничего.
Только несколько неровностей.
Скол.
Глен постучал ногтем.
Звук был глухой.
Не камень.
Не металл.
Он постучал ещё раз.
Не понравилось.
Почему — не понял.
Поставил табличку обратно.
Вспомнил слова матроса.

Выкинь её.

Глен усмехнулся.

Люди всегда искали причину плохому рейсу.

Погода.

Примета.

Капитан.

Новая сеть.

Кто-то свистнул на палубе.

Теперь табличка.

Так проще.

Если есть виноватая вещь, не нужно признавать, что море просто иногда ничего не отдаёт.

Он снова открыл таблицу расходов.

Через минуту закрыл.

Бесполезно.

Взгляд опять вернулся к находке.

— Ладно.

Если не рыба — может, хоть это.

В городе был старьёвщик.

Лавка недалеко от порта.

Глен бывал там пару раз.

Человек неприятный.

Но в вещах разбирался.

По крайней мере, делал вид.

Завтра.

Сегодня Глен больше ничего не хотел.

Ночью он почти не спал.

Не потому, что думал о табличке.

Так он сказал бы, если бы кто-то спросил.

Просто день был тяжёлый.

Перед глазами снова появлялась рука матроса.

Потом вода.

Дочь.

Он просыпался несколько раз.

В комнате было темно.

Тихо.

Каждый раз первые секунды он не понимал, где находится.

Потом снова проваливался.

И в какой-то момент увидел сон.

Море.

Не поверхность.

Глубина.

Он находился где-то под водой.

Но не чувствовал давления.

Не задышался.

Не плыл.

Просто смотрел.

Перед ним была мутная тьма.

Серовато-зелёная.

Вдалеке стояли три вертикальные формы.
Огромные.
Тёмные.
Слишком правильные, чтобы быть скалами.
Слишком грубые, чтобы быть зданиями.
Они уходили вверх и вниз за пределы видимости.
Глен пытался понять расстояние.
Не мог.
Десять метров?
Сто?
Километр?
Вода искажала всё.
Где-то звучал низкий гул.
Тот же.
Из-под траулера.
Теперь громче.
Не звук.
Скорее давление.
Три формы едва различимо дрогнули.
И тогда между ними что-то прошло.
Маленькие фигуры.
Дети.
Они держались за руки.
Глен хотел крикнуть.
Не смог.
Одна девочка повернула голову.
Он проснулся.
Сел в кровати.
Комната была тёмной.
Грудь тяжело поднималась.
Сердце билось быстро.
Глен включил свет.
Посмотрел на часы.
Почти четыре.
Он встал.
Прошёл на кухню.
Налил воды.
Руки дрожали.
Немного.
Он выпил.
Посмотрел в окно.
На улице стоял туман.
Не такой густой, как в порту.
Но достаточно плотный, чтобы фонарь через дорогу выглядел размытым.
Глен долго стоял у стекла.
Потом сказал:
— Хватит.
Самому себе.
Вернулся в кровать.

До утра больше не уснул.
Лавка старьевщика находилась на узкой улице, где дома стояли слишком близко друг к другу.

Утро было холодным.
Ночной туман не исчез полностью.
Он лежал вдоль мостовой тонким серым слоем и собирался между зданиями.
Камни под ногами были мокрыми.
Чёрными.
Скользкими.
Глен несколько раз едва не поскользнулся.
В одной из луж плавал мёртвый голубь.
Перья намокли и прилипли к телу.
Глен прошёл мимо.
Дверь лавки оказалась старой.
Тёмное дерево разбухло от сырости.
Он толкнул.
Не открылась.
Толкнул сильнее.
Изнутри что-то скрипнуло.
Наконец дверь поддалась.
Над головой звякнул колокольчик.
Внутри пахло пылью.
Старой бумагой.
Деревом.
Металлом.

И ещё чем-то сырым, будто где-то за стеной находился подвал, который не открывали много лет.

На полках стояли часы.
Книги.
Фигурки.
Рамы.
Старые приборы.
Иконы.
Монеты.
Некоторые вещи были покрыты пылью.
Другие, наоборот, блестели слишком чисто.
Старьевщик появился из глубины помещения.
Медленно.
Сухой.
Сутулый.
Одна рука выглядела особенно высохшей, почти до костей.
Он остановился.
Посмотрел на Глена.
Потом на свёрток в его руках.
— Что у тебя?
Глен подошёл к прилавку.
Развернул ткань.
Положил табличку.
Старьевщик сначала не сказал ничего.

Просто смотрел.
Потом наклонился.
В тусклом жёлтом свете поверхность стала почти чёрной.
Старик протянул руку.
Не коснулся.
Остановился в нескольких миллиметрах.
Глен это заметил.
Старьёвщик чуть заметно кивнул.
Прокашлялся.
И только потом спросил:
— Где ты это нашёл?
Глен посмотрел на табличку.
Потом на старика.
— В море.

Старьёвщик поднял глаза.

И Глен впервые за всё утро почувствовал, что плохой рейс, возможно, ещё не закончился.

И только тогда окончательно понял, что рейс, который он считал пустым, возможно, привёз на берег нечто гораздо более ценное — или гораздо более дорогое, — чем вся рыба, которую они так и не поймали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.